

ПЕРЕЧИТАВАЯ КНИГИ

Л. СКОРИНО

СПОР О БУДУЩЕМ

Настоящее произведение искусства обладает чудесным свойством неискажаемой молодости, способностью выдержать любое испытание временем. Сквозь это испытание прошли многие и многие книги, созданные советскими писателями на протяжении тридцати лет существования нашей литературы. Теперь эти книги раскрываются перед нами новыми сторонами, тема обогащена временем, звучит более. К подобным книгам принадлежит роман Владимира Катаева — «Время, вперед!», появившийся в печати в самом начале тридцатых годов.

Писатель показывает всего лишь один день на строю огромного промышленного центра на Урале. Бригады бетонщиков окружены социалистическим соревнованием, которое раскрывается в романе и как геройский труд, и как борение идеи. Герои романа, рядовые советские люди, ломают старые традиции, старые нормы и переходят к более высоким методам труда. В событиях одного дня встает героическая эпоха первых пятилеток.

Перед сегодняшним читателем Катаева, читателем, обогащенным опытом Великой Отечественной войны, особенно разительно выступает одна из существенных черт романа, мимо которой прошла критика в годы его появления — это острое чувство патриотизма, чувство гордости социалистической родиной, пронизывающее всю книгу от начала до конца. «Время, вперед!» — возвещанное романтическое повествование о прекрасных советских людях, о их геройской борьбе за укрепление индустриальной мощи советского государства. Это, в сущности, рассказ о том, как закладывалась основа будущей победы над фашизмом.

Роман «Время, вперед!» устремлен в сегодня и живет сейчас, утверждая своей патриотической тенденцией высокие принципы советской жизни, советской системы.

Два мира противостоят один другому в романе Катаева: буржуазная Америка, страна доллара, и Советская Россия периода первых пятилеток, страна социалистического созидания. Они представлены здесь, как воплощение двух различных жизненных принципов, двух социальных мироизрений, двух систем.

Критерий, какой избирает писатель в своей оценке этих двух систем, казалось бы, взят из арсенала «вечных ценностей»: судьбы культуры и судьбы человеческой личности — вот что волнует Катаева. Однако эти отвлеченные категории в романе приобретают поэтический, наступательный характер. Роман «Время, вперед!» — острая полемика советского писателя с принципами, сформировавшими «американизм», с долларом, властьюющим над человеком. Полемизируя, Катаев утверждает положительный идеал — гуманистические принципы нашей родины, высокие идеалы социалистической страны.

Западные псевдогуманисты зачастую клеветнически рисуют судьбу индивидуума при социалистическом строе, пурга «стандартизации» умов и всеобщей безличичности. Достаточно вспомнить злобные выступления фашистующего Андре Жиля или обратиться к буржуазной «утопической» литературе, пытающейся изображать «общество будущего», грядущий социализм. Некогда Г. Уэллс в одном из ранних фантастических рассказов рисовал «коммунистическое общество, состоящее из людей, унифицированных во имя «равенства», которое распространяется и на их личные качества: они лишиены имен, не имеют права быть умнее и красивее других, ходят в одинаковых одеждах, так что не отличишь мужчин от женщин, старых от молодых. Серый, однообразный мир, всеобщее проявление — так испытуемые буржуазии мыслили рисовали будущее общество.

Эта картина, разумеется, конечно, ничего общего не имеет с коммунизмом. Но она очень точно воспроизводит идеал фашистского «нового порядка», основанного на беспилотном, покорном труде рабов. История внесла исправление в «утопию», показав, что подобные «идеалы» порождают именно капиталистическую систему.

Катаев, разумеется, конечно, ничего общего не имеет с коммунизмом. Но она очень точно воспроизводит идеал фашистского «нового порядка», основанного на беспилотном, покорном труде рабов. История внесла исправление в «утопию», показав, что подобные «идеалы» порождают именно капиталистическую систему.

Катаев в своем романе тоже обращается к «обществу будущего», но это не утопия, а реальность. «Время, вперед!» повествует не только о строительстве огромного социалистического индустриального центра, но прежде всего о строительстве нового мира в обобщенном философском смысле этого понятия.

«В капле дождя вы научили меня видеть счастье», — говорит автор одному из героев. Здесь ключ к пониманию книги, отличающейся широкими лирико-романтическими и философскими обобщениями.

Образ города, возникающего по воле большевиков в голой степи, у Катаева конкретен, реален и в то же время поэтически обобщен. Это город, в котором «не было традиций». Но он возникли слишком быстро. Он возник со скоростью, скрывающей представление о времени, потребном для создания такого большого города. Он противопоставляется в романе Катаева европейским «городам государств», городам-трупам с остекленевшими глазами, хранителями обветшальных традиций и «новым американским городам», покупавшими доллары «с бесперемонностью нувориша» — стилем всех эпох и народов, «барахо-культурой», как сказал бы Маяковский. Города эти вспоминают прошлого, мертвый историю. Стоящий социалистический город — начало новой эры, новых традиций, новой культуры.

Катаев показывает, что становление социалистической культуры происходит в кипении страсти, в ожесточенном борьбе нового со старым. В центре романа — образ строителя Маргулиса, человека огромного творческого размаха и смелости. Маргулис — инженер нового типа, инженер-богатырь, то есть новатор, ломающий все предграды. Его столкновение с одним из руко-

водителей стройки, инженером «академической закавказии» — Налбандовым — становится испытание временем. Сквозь это испытание прошли многие и многие книги, созданные советскими писателями на протяжении тридцати лет существования нашей литературы. Теперь эти книги раскрываются перед нами новыми сторонами, тема обогащена временем, звучит более. К подобным книгам принадлежит роман Владимира Катаева — «Время, вперед!», появившийся в печати в самом начале тридцатых годов.

Писатель показывает всего лишь один день на строю огромного промышленного центра на Урале. Бригады бетонщиков окружены социалистическим соревнованием, которое раскрывается в романе и как геройский труд, и как борение идеи. Герои романа, рядовые советские люди, ломают старые традиции, старые нормы и переходят к более высоким методам труда. В событиях одного дня встает героическая эпоха первых пятилеток.

Перед сегодняшним читателем Катаева, читателем, обогащенным опытом Великой Отечественной войны, особенно разительно выступает одна из существенных черт романа, мимо которой прошла критика в годы его появления — это острое чувство патриотизма, чувство гордости социалистической родиной, пронизывающее всю книгу от начала до конца. «Время, вперед!» — возвещанное романтическое повествование о прекрасных советских людях, о их геройской борьбе за укрепление индустриальной мощи советского государства. Это, в сущности, рассказ о том, как закладывалась основа будущей победы над фашизмом.

Роман «Время, вперед!» устремлен в сегодня и живет сейчас, утверждая своей патриотической тенденцией высокие принципы советской жизни, советской системы.

Западные псевдогуманисты зачастую клеветнически рисуют судьбу индивидуума при социалистическом строе, пурга «стандартизации» умов и всеобщей безличичности. Достаточно вспомнить злобные выступления фашистующего Андре Жиля или обратиться к буржуазной «утопической» литературе, пытающейся изображать «общество будущего», грядущий социализм. Некогда Г. Уэллс в одном из ранних фантастических рассказов рисовал «коммунистическое общество, состоящее из людей, унифицированных во имя «равенства», которое распространяется и на их личные качества: они лишиены имен, не имеют права быть умнее и красивее других, ходят в одинаковых одеждах, так что не отличишь мужчин от женщин, старых от молодых. Серый, однообразный мир, всеобщее проявление — так испытуемые буржуазии мыслили рисовали будущее общество.

Эта картина, разумеется, конечно, ничего общего не имеет с коммунизмом. Но она очень точно воспроизводит идеал фашистского «нового порядка», основанного на беспилотном, покорном труде рабов. История внесла исправление в «утопию», показав, что подобные «идеалы» порождают именно капиталистическую систему.

Катаев показывает, что становление социалистической культуры происходит в кипении страсти, в ожесточенном борьбе нового со старым. В центре романа — образ строителя Маргулиса, человека огромного творческого размаха и смелости. Маргулис — инженер нового типа, инженер-богатырь, то есть новатор, ломающий все предграды. Его столкновение с одним из руко-

В. Катаев. «Время, вперед!»

Николай ТИХОНОВ

НИЗАМИ И НАВОЙ

1.

Великий азербайджанский поэт Низами Гянджеви жил в двенадцатом веке, великий узбекский поэт Алишер Навои жил в пятнадцатом веке. Их разделяют три столетия, но для нас сегодня они стоят рядом с теми бессмертными, которые проходят через века, озаренные немеркнущей славой народного признания. В самом широком собрании гениев мировой поэзии они имеют свою независимую и особую места. Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Шота Руставели, Чеченко или титаны Запада, такие, как Данте, Маклер, Гете, Байрон, — вот эти имена, которые можно поставить рядом с именами Низами и Навои.

Ту же тему — власть вещей над человеком — Катаев разрабатывает в рассказе «Венцы» (1928 год) и в юмористической гротесковой форме в рассказе «Ножи» (1927 год).

Навои — это власть, которая настолько сильна, что ее можно назвать «всесильным долларом».

Навои — это человек, чувствами, страстью, ценой для мещаницы, но — «зато — десятки! Это самое главное!»

Ту же тему — власть вещей над человеком — Катаев разрабатывает в рассказе «Время, вперед!», носителями капиталистического жизненного принципа, принципа доллара, являются представители старого мира — американцы, находящиеся на строительстве.

Инженер Томас Бикси — «Фома Егорович», как его называют на строительстве, покинул родину, семью, чтобы завоевать свое счастье. Его жизненная задача — скопить 20 000 долларов, открыть строительную контору, положить первый камень в здание, которое называется «Банковский кризис».

Банковский кризис разрушает мечты Томаса Бикси, он теряет на себе «вклады» — копии расчеты строи- теля на новый город, на который он надеялся.

В романе «Время, вперед!» носителями капиталистического жизненного принципа, принципа доллара, являются представители старого мира — американцы, находящиеся на строительстве.

Инженер Томас Бикси — «Фома Егорович», как его называют на строительстве, покинул родину, семью, чтобы завоевать свое счастье. Его жизненная задача — скопить 20 000 долларов, открыть строительную контору, положить первый камень в здание, которое называется «Банковский кризис».

Банковский кризис разрушает мечты Томаса Бикси, он теряет на себе «вклады» — копии расчеты строителя на новый город, на который он надеялся.

В романе «Время, вперед!» носителями капиталистического жизненного принципа, принципа доллара, являются представители старого мира — американцы, находящиеся на строительстве.

Инженер Томас Бикси — «Фома Егорович», как его называют на строительстве, покинул родину, семью, чтобы завоевать свое счастье. Его жизненная задача — скопить 20 000 долларов, открыть строительную контору, положить первый камень в здание, которое называется «Банковский кризис».

Банковский кризис разрушает мечты Томаса Бикси, он теряет на себе «вклады» — копии расчеты строителя на новый город, на который он надеялся.

В романе «Время, вперед!» носителями капиталистического жизненного принципа, принципа доллара, являются представители старого мира — американцы, находящиеся на строительстве.

Инженер Томас Бикси — «Фома Егорович», как его называют на строительстве, покинул родину, семью, чтобы завоевать свое счастье. Его жизненная задача — скопить 20 000 долларов, открыть строительную контору, положить первый камень в здание, которое называется «Банковский кризис».

Банковский кризис разрушает мечты Томаса Бикси, он теряет на себе «вклады» — копии расчеты строителя на новый город, на который он надеялся.

В романе «Время, вперед!» носителями капиталистического жизненного принципа, принципа доллара, являются представители старого мира — американцы, находящиеся на строительстве.

Инженер Томас Бикси — «Фома Егорович», как его называют на строительстве, покинул родину, семью, чтобы завоевать свое счастье. Его жизненная задача — скопить 20 000 долларов, открыть строительную контору, положить первый камень в здание, которое называется «Банковский кризис».

Банковский кризис разрушает мечты Томаса Бикси, он теряет на себе «вклады» — копии расчеты строителя на новый город, на который он надеялся.

В романе «Время, вперед!» носителями капиталистического жизненного принципа, принципа доллара, являются представители старого мира — американцы, находящиеся на строительстве.

Инженер Томас Бикси — «Фома Егорович», как его называют на строительстве, покинул родину, семью, чтобы завоевать свое счастье. Его жизненная задача — скопить 20 000 долларов, открыть строительную контору, положить первый камень в здание, которое называется «Банковский кризис».

Банковский кризис разрушает мечты Томаса Бикси, он теряет на себе «вклады» — копии расчеты строителя на новый город, на который он надеялся.

В романе «Время, вперед!» носителями капиталистического жизненного принципа, принципа доллара, являются представители старого мира — американцы, находящиеся на строительстве.

Инженер Томас Бикси — «Фома Егорович», как его называют на строительстве, покинул родину, семью, чтобы завоевать свое счастье. Его жизненная задача — скопить 20 000 долларов, открыть строительную контору, положить первый камень в здание, которое называется «Банковский кризис».

Банковский кризис разрушает мечты Томаса Бикси, он теряет на себе «вклады» — копии расчеты строителя на новый город, на который он надеялся.

В романе «Время, вперед!» носителями капиталистического жизненного принципа, принципа доллара, являются представители старого мира — американцы, находящиеся на строительстве.

Инженер Томас Бикси — «Фома Егорович», как его называют на строительстве, покинул родину, семью, чтобы завоевать свое счастье. Его жизненная задача — скопить 20 000 долларов, открыть строительную контору, положить первый камень в здание, которое называется «Банковский кризис».

Банковский кризис разрушает мечты Томаса Бикси, он теряет на себе «вклады» — копии расчеты строителя на новый город, на который он надеялся.

В романе «Время, вперед!» носителями капиталистического жизненного принципа, принципа доллара, являются представители старого мира — американцы, находящиеся на строительстве.

Инженер Томас Бикси — «Фома Егорович», как его называют на строительстве, покинул родину, семью, чтобы завоевать свое счастье. Его жизненная задача — скопить 20 000 долларов, открыть строительную контору, положить первый камень в здание, которое называется «Банковский кризис».

Банковский кризис разрушает мечты Томаса Бикси, он теряет на себе «вклады» — копии расчеты строителя на новый город, на который он надеялся.

В романе «Время, вперед!» носителями капиталистического жизненного принципа, принципа доллара, являются представители старого мира — американцы, находящиеся на строительстве.

Инженер Томас Бикси — «Фома Егорович», как его называют на строительстве, покинул родину, семью, чтобы завоевать свое счастье. Его жизненная задача — скопить 20 000 долларов, открыть строительную контору, положить первый камень в здание, которое называется «Банковский кризис».

Банковский кризис разрушает мечты Томаса Бикси, он теряет на себе «вклады» — копии расчеты строителя на новый город, на который он надеялся.

В романе «Время, вперед!» носителями капиталистического жизненного принципа, принципа доллара, являются представители старого мира — американцы, находящиеся на строительстве.

Инженер Томас Бикси — «Фома Егорович», как его называют на строительстве, покинул родину, семью, чтобы завоевать свое счастье. Его жизненная задача — скопить 20 000 долларов, открыть строительную контору, положить первый камень в здание, которое называется «Банковский кризис».

Банковский кризис разрушает мечты Томаса Бикси, он теряет на себе «вклады» — копии расчеты строителя на новый город, на который он надеялся.

В романе «Время, вперед!» носителями капиталистического жизненного принципа, принципа доллара, являются представители старого мира — американцы, находящиеся на строительстве.

ПОЭТЫ СОВЕТСКОЙ МОЛДАВИИ

Интересная книга легла на наш общий стол — «Поэты советской Молдавии». Это книга — одно из открытий, которым так богата советская литература. Поязия издревле новой молодой союзной республики предстает перед нами во всем своем величестве, а вместе с тем и в движении вперед к социалистическому сегодня.

Во многих стихотворениях сборника мы ощущаем красоты, исконные лежащие в самой природе молдавской позиции, ей органически присущие, как синева неба, как свежесть зеленеющей выноградников. Но не это преувеличено нас заинтересовывает в книге.

Все то, что веками волновало молдаван: — любовь к родному селу, к выноградным лозам, к густым, пронизанным солнечным лучами деревням и синим днестровским водам — не осталось в старом качестве, все заменило в стихах поэтов, выступающих в сборнике, по-новому.

Из многих стихотворений пред нами вырисовывается характер молдавского поэзия. Стучат чарки на добреи шируши, тихо беседуют седовласые старики. Как изобично гостеприимство этого народа, чистосердечно его дружелюбие, как плачено у молдавского народа чувство виноградной мести, если враг вступает на тихие поля Молдавии! За этими гневными стихами мы ощущаем, как деды поэтов и пра-деды запевали, выступая в поход, песни отщемления. Тема защиты родины звучит во всем сборнике. Но на ее фоне все явственнее выступает, как лейтмотив, самая главная тема — тема советского патриотизма.

Те же струны, на которых звучали дядьки, струны, которые аккомпанировали воспоминаниям о волынках гайдуков, бывших со злыми язычниками, с татарами крым-гиреевскими ханами, с румынами, злыне звонко и чисто аккомпанируют песням борьбы за свободу, за родину.

Но самые песни другие, ибо другими стали люди, сложившие их. В этих песнях все явственнее обозначается мотив юности за свою социалистическую отчизну, счастья людей, осознавших себя членами единой семьи братских советских народов.

История поднимает новые вымпели. Никогда Молдавия не видела свой путь про-летьем, так даеко.

Лишь изредка надежды золотые
На брезжили звездой сквозь облака,
Когда десница помочи Россия
Протягивающая нам издалика, —
Говорят поэт Леонид Коринин.

Когда молдавский народ был задавлен эксплуататорской властью румынских баронов, он знал, что только временно отторгнут от своей великой отчизны. Он знал, что есть на свете человек, который все слышит, который освободит Молдавию:

Илья Деляни полны фасоном гла-
са и мицена. Одно из лучших его стихо-
творений называется «Баллада гнева». Пост-
питывает ярость против немецких за-
хватчиков. Интересна поэма «Краснополье»,
в которой даны картины, живые и точные,
шахтерского города в Донбассе, ставшего
изменением во всем мире.

Глубоко ощущает новые времена Молдавия Георгий Менюк:

Человек с именем и слова омыны,
Если волынка плачет, стреляет стрелы,
Волею тепла, края соловьев поет!
И моя строка светлый труд поет!

(Перевод В. Деркачева).

Очень хорошо, что в сборнике представле-
ны молодые поэты: С. Моская, поби-
гая из родных берегов Днестра, и
А. Креченок, П. Дарен-
ко, А. Гужель, К. Кондра, И. Балаш, М.
Полубок, Р. Пономарь, К. Рошка, Д. Ми-
хия, Ю. Баржакин. Молодые поэты эпохи
— часть фронтиков, и поэтому сти-
хи их преимущественно о «переднем крас-
це». На карты пятилеткам все глубоко по-
зитивно; спасительном голу, «счастливому цвет-
ению», «заря дорогу выстала коврами». Пост-
сматривает на развалины, погруженные в
мгла, знает, что здесь —

Восстает город, ясна, беспечана,
Капитанов ветви замутят, густы.

Поэт видит «холмы, где виноградные
шептывают, поет», он видит близость Мол-
давии к великим Москве.

И вспоминает колыма:
Вся молдавская земля,
Что за дальными полями
Увидеть лучше Кремя.

Поэтический рисунок этого стихотворе-
ния очень мятеж и неопределен:

...В наши хаты входит Сталин,
Одарила правиль нас.
Все вспомнили в родные сени
Старые пальмы, старые
И к столу зовут в смущении
Гости славянского отечества.

Емельяна Буков — темпераментный рома-
нтик-парик, который стремится «свесту как-
нибудь превратить в сырье», автор великолепной
сказки «Андрея», превращающейся в реальность, радует изяществом советской
литературы. Недаром этот выдающийся поэт
избрал своим народом в депутаты Верховного Совета ССР. В его стихотворении «На-
шай карты пятилеткам все глубоко по-
зитивно; спасительном голу, «счастливому цвет-
ению», «заря дорогу выстала коврами». Пост-
сматривает на развалины, погруженные в
мгла, знает, что здесь —

Восстает город, ясна, беспечана,
Капитанов ветви замутят, густы.

Поэт видит «холмы, где виноградные
шептывают, поет», он видит близость Мол-
давии к великим Москве.

И вспоминает колыма:
Вся молдавская земля,
Что за дальными полями
Увидеть лучше Кремя.

Поэтический рисунок этого стихотворе-
ния очень мятеж и неопределен:

...В наши хаты входит Сталин,
Одарила правиль нас.
Все вспомнили в родные сени
Старые пальмы, старые
И к столу зовут в смущении
Гости славянского отечества.

Емельяна Буков по-настоящему талантлив. К недостаткам этого одаренного поэта можно лишь отнести излишнюю подчас увлече-

ние поэтической Молдавии. Под редакцией С. Маринки и М. Голубиной Гос. издательство Молдавии. Кишинев, 1947, 256 стр.

Николай ТИХОНОВ

Низами и Навои

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО СМ. НА 2 СТР.

Однажды бросали они оскорбительные стихи в лицо тогдашним владыкам-рабо-дальцам. Владыки принимали их песни или за условную сказку или за дерзость бес-сильного, отказавшегося от борьбы за власть придворного.

Но получилось так, что через третья лет великий Навои как повторил темы великих Низами в своей собственной Пи-терции? Что здесь было нового, такого, что нельзя найти у Низами, и что за сила заставила его пойти на состязание чувств с признанным гением, чей стих властиво-вал в паресте поэзии уже несколко веков и к нему подражали многие поэты ближних и дальних стран?

Его гуманизм, его любовь к правде, к справедливости, его широкое ощущение ге-
роизма, жизни яркой, одухотворенной, роман-
тической деятельности, патриотизм были

известны окружающим, как явление поэтическое, как мир выдуманных, фантастич-
еских образов, прекрасных, завлекающих

своей жизненностью, замечательных по ис-
полнению, но за всеми этими художествен-
ными картинами они не видели того, что
дышало самой неприкрытой современ-
ностью. Владыка не хотел узнавать себя в
духовицах, нарисованных мечтой поэта.

Да, герой Навои умирает, но умирает героями.

Он кончил книгу «Семь планет» стихами о том, чтобы эта книга была близка народу и связана для читателя.

И в другом месте он сказал:

«...если ты человек, то не называй человека Того, кто не забывает о народе.

Он не видел ложь и невежество. Прे-
красный учитель, он, как Низами, понимал значение науки для будущего мира. Шейх-
зад в статье «Навон наравил отечество» от-
метил, что Навон первым отечеством отечеством.

Он любил свою родину горячей, призна-
тельной любовью. В его пейзажах Азер-
байджана эта синь небес, эти горы и леса
выписаны тщательной, сильной, живопис-
ной кистью. Его негодушие строки против жестокости царской и сатрапской, его зов к милосердию показывают нам всю глубину его глубоко чувствовавшей душой и яростью свободного протеста против слепого и грубого насилия над слабыми угнетенными.

Поэт — проповедник новых идей гайдз-
итов. Навон мир представлял «дномом добра».

Навон мир не был в его время. Мир был

всем, где кипело зло, а самым разным видам.

Все виды угнетения, самим грубым,

самым превратным, в народу, разоренным

и дурными правителями, воянами и бедстви-
ями плохого управления, мы воспринимаем.

Поэт — проповедник новых идей гайдз-

итов — и со стороны «Сокровищницы гайд-
итов».

Навон мир не был в его время. Мир был

всем, где кипело зло, а самым разным видам.

Все виды угнетения, самим грубым,

самым превратным, в народу, разоренным

и дурными правителями, воянами и бедстви-
ями плохого управления, мы воспринимаем.

Поэт — проповедник новых идей гайдз-

итов — и со стороны «Сокровищницы гайд-
итов».

Навон мир не был в его время. Мир был

всем, где кипело зло, а самым разным видам.

Все виды угнетения, самим грубым,

самым превратным, в народу, разоренным

и дурными правителями, воянами и бедстви-
ями плохого управления, мы воспринимаем.

Поэт — проповедник новых идей гайдз-

итов — и со стороны «Сокровищницы гайд-
итов».

Навон мир не был в его время. Мир был

всем, где кипело зло, а самым разным видам.

Все виды угнетения, самим грубым,

самым превратным, в народу, разоренным

и дурными правителями, воянами и бедстви-
ями плохого управления, мы воспринимаем.

Поэт — проповедник новых идей гайдз-

итов — и со стороны «Сокровищницы гайд-
итов».

Навон мир не был в его время. Мир был

всем, где кипело зло, а самым разным видам.

Все виды угнетения, самим грубым,

самым превратным, в народу, разоренным

и дурными правителями, воянами и бедстви-
ями плохого управления, мы воспринимаем.

Поэт — проповедник новых идей гайдз-

итов — и со стороны «Сокровищницы гайд-
итов».

Навон мир не был в его время. Мир был

всем, где кипело зло, а самым разным видам.

Все виды угнетения, самим грубым,

самым превратным, в народу, разоренным

и дурными правителями, воянами и бедстви-
ями плохого управления, мы воспринимаем.

Поэт — проповедник новых идей гайдз-

итов — и со стороны «Сокровищницы гайд-
итов».

Навон мир не был в его время. Мир был

всем, где кипело зло, а самым разным видам.

Все виды угнетения, самим грубым,

самым превратным, в народу, разоренным

и дурными правителями, воянами и бедстви-
ями плохого управления, мы воспринимаем.

Поэт — проповедник новых идей гайдз-

итов — и со стороны «Сокровищницы гайд-
итов».

Навон мир не был в его время. Мир был

всем, где кипело зло, а самым разным видам.

Все виды угнетения, самим грубым,

самым превратным, в народу, разоренным

и дурными правителями, воянами и бедстви-
ями плохого управления, мы воспринимаем.

Поэт — проповедник новых идей гайдз-

итов — и со стороны «Сокровищницы гайд-
итов».

Навон мир не был в его время. Мир был

всем, где кипело зло, а самым разным видам.

Все виды угнетения, самим грубым,

самым превратным, в народу, разоренным

и дурными правителями, воянами и бедстви-
ями плохого управления, мы воспринимаем.

Поэт — проповедник новых идей гайдз-

итов — и со стороны «Сокровищницы гайд-
итов».